

КРИСТИНА АГАТОВА

Неудача
на даче

Олимпиада – мастер спорта по неприятностям

Кристина Агатова

Неудача на даче

«Автор»

2022

Кристина Агатова

Неудача на даче / Кристина Агатова — «Автор»,
2022 — (Олимпиада – мастер спорта по неприятностям)

Если бы Олимпиада знала, чем закончится встреча одноклассников, то и в этом году нашла бы причину туда не пойти. Одна из девушек скоропостижно скончалась наутро после вечеринки. Инфаркт в таком молодом возрасте - это страшно, но еще страшнее, когда покойница начинает донимать с того света. Мистика или кого-то мучает совесть? Стоит ли заглядывать в чужой шкаф в поисках скелета? Сколько лет может жить ненависть? Олимпиаде предстоит не только ответить на эти вопросы, но и сделать непростой выбор - спасти или уничтожить кого-то из тех, с кем сидела за одной партой.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Кристина Агатова

Неудача на даче

Глава 1

Вся жизнь – театр, поэтому я встаю только после третьего звонка. Я вновь передвинула будильник на пять минут вперед, поправила подушку и блаженно закрыла глаза.

Определенно, надо учиться вставать сразу! Во-первых, будет больше времени на сборы, я даже буду успевать завтракать. Во-вторых, эти пять минут все равно не дают ничего, кроме ложной надежды и разочарования.

Я дождалась третьего звонка и сползла с дивана. Утро – это такое время, когда от души завидуешь безработным. Не смотря на то, что не прошло даже трех месяцев с тех пор, как я нашла работу, иногда я с тоской вспоминаю времена, когда могла спать до обеда. Но потом я ужасаюсь, сколько за это время накопила долгов, и бодро мчусь на службу.

Увы, я – сова. Безнадежная совушка, которая вынуждена таскаться на работу вместе с жаворонками. Впрочем, жаловаться мне не на что – я работаю посменно, а вытерпеть ранний подъем всего два раза подряд мне вполне по силам. После двух рабочих дней наступают выходные, так что усталость не успевает накопиться.

Немного неприятно, когда рабочие смены выпадают на воскресенье и субботу – получается, что все друзья и родные отдыхают, а ты сидишь в офисе и не можешь к ним присоединиться. Зато никогда не приходится отпрашиваться, чтобы решить какие-то вопросы в будни! Как утверждает китайская философия, добро и зло – лишь две стороны одной горы.

Охая и вздыхая, я поплелась в ванную. Зеркало безжалостно отразило мое помятое и сонное бледное лицо. Под большими серыми глазами снова залегли мешки, хотя я не ела соленого и, уж тем более, не пила на ночь. Увы, такова особенность моего лица – для появления отеков даже не нужны веские причины. Я немного помассировала кожу и сделала воду попрохладнее, как рекомендуют косметологи. Особого толка от этого нет, но и хуже тоже не становится.

На работе, как всегда царила утренняя суета. Не успела я щелкнуть тумблером чайника, как в кабинет ворвался Александр Второй:

– Добренькое утречко, Олька!

Олька – это я. Вообще-то, мое имя звучит несколько по-иному. Олимпиада Валерьевна Хрусталева – написано в паспорте, но я предпочитаю менее заковыристый вариант. За тридцать пять лет я так и не привыкла к имени Липа, которым меня упорно называют родные.

Саня, как всегда, выложил на стол кулек с угощением. Я улыбнулась – не о чем волноваться, когда в мире есть что-то постоянное. Например, ежеутренний визит Александра Второго – нерушимая традиция. Да, Веревкин у нас – тезка великого императора – Александр Николаевич. Как бы смешно это ни звучало, но с нами работает и Александр Первый – Александр Павлович Кардапольский.

С коллективом мне, я считаю, повезло. Если не учитывать, что в самом начале моей работы один из сотрудников убил мою предшественницу, воспользовавшись моим же автомобилем. Негодяя удалось вывести на чистую воду, но это стоило мне километров нервов.

Автомобиль я, кстати, продала. Умом я понимаю, что машина ни в чем не виновата, но не могу сидеть за рулем. По-моему, эзотерики называют это тяжелой энергетикой. Я не слишком суеверна. Но каждый раз, садясь за руль, я чувствовала какое-то тягостное напряжение. Пришлось выставить букашку на торги. О причинах продажи я, конечно же, умолчала. Кто же захочет «колеса» с такой историей? Вырученных денег мне с лихвой хватило на оплату долгов, остальное я положила в банк и теперь коплю на новую «коняшку».

Кредит брать опасаясь – берешь чужие и на время, а отдаешь свои и насовсем! Так что, теперь я пешеход, чему даже рада. Будь у меня машина, разве имела бы я такую чудесную возможность прогуляться свежим летним утром или тихим летним вечером? О предстоящей зиме я предпочитаю не думать.

Шурик развернул кулек, и на стол высыпались какие-то желто-оранжевые квадратики.

– Это что? – полюбопытствовала я.

– Тыквенные мармеладки, – радостно возвестил Александр. – Милая приготовила.

Жена у Веревкина – самозабвенная кулинарша. Она постоянно изобретает отвратительные сладости из того, что я обычно безжалостно выбрасываю. Варенье из арбузных корок, цукаты из апельсиновых шкурок, батончики из остатков вчерашней овсянки и смородинового жмыха – вот неполный перечень гастрономических кошмаров, которые частенько приносит Александр.

Я никогда не видела супругу коллеги, но сильно подозреваю, что у нее в роду есть китайцы! Как еще объяснить ее страсть к превращению съедобного в несъедобное? Улыбчивые жители Поднебесной с аппетитом уплетают редкостную, на мой взгляд, гадость.

Однажды, где-то в начале нового тысячелетия мне посчастливилось попасть в Китай. До этого я была уверена, что национальная китайская кухня – это нечто феерически вкусное, потрясающе изысканное и весьма экзотичное. В отношении экзотики я ничуть не ошиблась!

Не хочу обижать азиатскую кухню, но она, все-таки, на любителя. А я им явно не являюсь. Тут еще надо сделать поправку – китайская кухня в России и кухня в Китае – это очень разные вещи. Они отличаются примерно так же, как кухня в России и русская кухня в Китае. Запутала? Ничего сложного, просто все национальные блюда, приготовленные прямо в стране ее гражданами – это настоящая национальная кухня. А все остальное – имитация и копия, которая будет с «акцентом» повара! Знаете, как в анекдоте про немцев, которые купили российский автомобильный завод, поменяли там оборудование, наладили прямые поставки материалов, внедрили свои технологии, а на выходе с конвейера получили... Жигули!

Сладкое мясо с привкусом рыбы, вареные огурцы, жареный арбуз – всего и не перечислить. Так и не сумев заставить себя полюбить экзотические блюда, я обратила свой взор в сторону фруктов, которые в то время еще не валялись на полках наших супермаркетов, отпугивая покупателей своей ценой.

За пару недель я перепробовала практически все, что было представлено в лотках уличных торговцев. Сочный рамбутан, звездный фрукт, показавшийся мне безвкусным, сливочный мангустан, манго, которое на первый взгляд напомнило мне вкус пучки и аромат смородины. Потом-то я, конечно, распробовала чудесный фрукт. А как удивили меня личи со вкусом винограда и запахом чеснока! Но главное открытие было впереди.

Был обычный душный китайский день, я возвращалась из огромного книжного магазина, нагруженная премудрыми книгами, как вдруг в лотке увидела нечто странное, приткнувшееся между манго и арбузами. Оно напоминало воинствующую дыню в кольчуге и яростно привлекало мое внимание.

Я не стала сопротивляться и подошла познакомиться:

– Что это за непонятная штука? – поинтересовалась я на чистом путунхуа.

– Это бр-бр-бр, вкусное, полезное, бери недорого! – отсалютовала бодрая китайская бабушка.

Я сделала вид, что поняла название, и что каждый день эти штуки ем, а подошла так, чисто уточнить. Не признаваться же, что в нашей-то глуши таких слов и не слышали!

– Ну, давайте, отрежьте мне кусочек!

Бабушка замахала на меня руками и запричитала, что, дескать, эту психованную дыню резать она не будет, и не пошла бы я своей дорогой с такими глупостями, но я была настойчива,

и она сдалась. Быстро расковыряла кольчужку, оторвала кусок, сунула в пакет, забрала деньги и пожелала приятного аппетита.

Я радостно приволокла добычу в общагу и развернула пакет. Именно в этот момент я и поняла, отчего она так не хотела резать это чудище – комнату наполнил резкий запах подгнившего лука.

– Вот блин, испорченный, – горестно пожаловалась я вовремя вернувшейся соседке.

– Зачем ты притащила эту мерзость? – очень неадекватно, на мой взгляд, отреагировала она. – Тут все провоняет!

– Да я просто хотела попробовать, а он гнилой оказался...

– Он такой и есть, фу, гадость! Это дуриан, фу-фу-фу, выброси его, только пакет сразу унеси!

Она демонстративно зажала нос пальцами и бросилась вон из комнаты. Я побежала следом, держа тарелку с дурианом на вытянутых руках.

– В смысле? Он так и должен вонять?

– Ну да, – согласилась она. – А ты не знала что ли? Фу! Выброси немедленно! И не подходи ко мне с этой дрянью!

Я повертела тарелку в руках, рассматривая вонючего пришельца со всех сторон. Выкинуть продукт, за который я отдала приличные деньги, у меня не поднялась рука.

– Это всего лишь фрукт, а не жареный сверчок, – успокоила себя я. – Растения не могут быть мерзкими, даже если они воняют. Черемша тоже воняет, но люди ее с удовольствием едят и даже пироги с ней пекут!

Я решила рискнуть и попробовать. Аккуратно отломав маленький кусочек кремовой мякоти ложечкой, я отправила его в рот и прислушалась к ощущениям. Вкус показался мне очень знакомым.

– Перемороженная картошка! – осенило меня.

Вонь с каждой минутой усиливалась, но я упрямо продолжала поглощать экзотику маленькими кусочками. Оказалось, что если принять этот странный вкус, как должное, и абстрагироваться от того, что на мой чисто русский взгляд он просто омерзителен, то вполне съедобно. И я съела его весь. Весь килограммовый кусок мякоти. Со вкусом перемороженной картошки с луком.

Как ни странно, организм отреагировал вполне дружелюбно. Обратного дуриан не проглотил и переварился прекрасно.

Правда, соседи все же выгнали меня на улицу с вонючей шкуркой и стрясли обещание больше не притаскивать дуриан в помещение. Я с деланным великодушием согласилась и забыла о нем до конца поездки. Однако, я не могла не привезти кусочек зловонного чуда на родину – угостить близких, и тайно протащила-таки экзота, замотанного в полотенце, с собой в поезд. Когда одноклассники-одноклассники узнали, какая бомба у меня в сумке, они чуть не выкинули меня из вагона, но, поскольку шипастый вел себя мирно, тихо пованивая в сумке, и никому особо не досаждал, его удалось привезти семье на ужин.

Родные долго плевались, выражая восхищение матушке-природе, которая создает такие причудливые вкусы и запахи, от которых улыбка становится слегка кривоватой, а нос пытается втянуться в череп и не высовываться.

Думаю, дуриан понравился бы жене Александра. Она бы приготовила из него вонючий джем и намазала бы на торт из свекольной ботвы! А Саня притащил бы кулинарный шедевр на работу и попытался бы меня угостить.

Из чистой вежливости, я рискую здоровьем и хорошим самочувствием и пробую «деликатесы». Вот и сейчас придется засунуть в рот липкий кусочек.

Против ожидания, он оказался совершенно не противным.

– Вкусно, – на этот раз искренне похвалила я. – А что, тыква уже созрела? Я думала, раньше сентября ее не собирают. Или даже октября.

– А это смотря, чем поливать, – подмигнул он мне. Я с огромным трудом заставила себя улыбнуться, хотя больше всего на свете мне захотелось выплюнуть отраву. – Да не бойся! Мы не первый год питаемся с огорода. Ты же не думаешь, что все, чем поливают растения, попадает в него в неизменном виде? Огурцы, вон, вообще навозом удобряют, но ты же их ешь.

Я вздернула брови. Надо же, а ведь он прав. Я взяла еще одну тыквенную мармеладку – Саня бодр и весел, значит, и мне не повредит! Сладкое с утра полезно – мозг будет работать лучше.

Глава 2

Рабочий день пошел своим чередом. В обед раздался очередной звонок, я быстро нажала «ответить» и любезно прощбетала:

– Мастер на дом! Чем могу вам помочь?

– Хрусталева! Ты себе помоги для начала! Тяжело, наверное, со съехавшей крышей жить?

Я удивилась, потом перевела взгляд на телефон в моей руке. Так и есть – я совсем заработалась и на личный звонок ответила отработанной речевкой. Глупая ситуация. Но хуже всего то, что я узнала звонившую. Так по-хамски мог ответить только один человек на свете – моя бывшая одноклассница Дашка Скрипачева.

Не пройдет и недели, как все одноклассники узнают, что умница-красавица Хрусталева работает менеджером на телефоне. Я всегда повторяла: «Любой труд почетен!», пока не столкнулась с тем, что большинство тех, кто списывал у меня контрольные, устроились в жизни гораздо лучше меня.

К сожалению, я не добилась больших успехов, и моя работа – совсем не то место, которым можно гордиться. Но даже за нее я держусь руками, ногами и зубами, потому что быть безработной и совсем никому не нужной – еще хуже.

Первое время, получив диплом, я искала работу по специальности. Мне казалось, что переводчик – это стильная дама в деловом костюме, в блестящих туфлях на высоченной шпильке, с идеальным неброским макияжем и элегантной прической. Когда она заходит на переговоры, все сразу вскакивают и пододвигают ей стул, понимая, что именно она строит мосты взаимопонимания между иностранными партнерами.

Реальность оказалась гораздо суровее. От высокого каблука сразу пришлось избавиться, потому что приходилось постоянно куда-то спешить. Деловой костюм тоже оказался не самой удобной одеждой, потому что переводить приходилось не только в конференц-залах, но и на складах, овощебазах, в гаражах и на стройках. Джинсы и кроссовки как-то не сочетались с укладкой и макияжем, поэтому я стянула волосы в хвост и почти перестала пользоваться косметикой. Стоит ли говорить, что мне не то что стул не пододвигали, но и вовсе забывали о том, что я хочу есть, пить, ходить в туалет?

По совершенно нормальной русской традиции переговоры ведутся во время обеда или ужина, и все это время говорит то один, то другой. Они-то все успевают – и покушать, и попить, а вот переводчик вынужден постоянно работать, сглатывая слюну, потому что последний раз он принимал пищу утром.

Зарплата при этом тоже не поражает воображение.

В общем, придушив амбиции, я стала работать «кем попало», как выражается моя мама. Офис-менеджер, продавец-консультант, администратор... Я нигде не задерживалась подолгу, поэтому карьеры так и не сделала.

Если бы я была безработной женой при богатом муже и вела светскую жизнь, то безделье было бы оправдано. Жене-содержанке можно, оттопырив нижнюю губу, сообщать:

– Я занимаюсь творческой самореализацией. Всех денег не зарабатываешь...

Увы, но мне так и не встретился олигарх на белом мерседесе. Если уж говорить совсем откровенно, то на данный момент у меня нет даже обычного среднестатистического мужичонки.

– Хрусталева! – вывел меня из состояния транса резкий голос Скрипачевой. – Ты там уснула?

– Привет, Даш! – я постаралась изобразить радость. – Сколько лет, сколько зим? Где взяла мой номер?

– Где взяла, там уже нет, – в своем репертуаре отбрила нахалка. – Я тебе по делу звоню, мне некогда языком молотить!

– Странно, а мне казалось, что именно это у тебя получается лучше всего!

– А мне казалось, что человек, на которого заставляли равняться всю школу, к четвертому десятку должен уже не сам по телефону отвечать, а секретаря нанять!

– Холопа на Мальдивы за мой счет отправила, здоровье поправить, вот сама и отвечаю на звонки, – буркнула я. – И за него же теперь выполняю всю остальную работу, поэтому мне некогда. Говори, чего надо, запишу, потом сама себе в красной папке передам для ознакомления.

Одноклассница принялась излагать суть дела, и через пять минут мне все стало предельно ясно.

В те далекие времена, когда вся жизнь еще была впереди, а в юных глазах плескалась наивность, полюбили мы ездить на гостеприимную дачу Ани Ереминой. Мы жгли костры, жарили шашлыки, играли в «мафию» и рассказывали страшные истории. После окончания школы мы разбежались, как это водится, кто куда, но традицию выезжать одноклассниками на дачу не забыли.

Анины родители никогда не появлялись на фазенде. Единственным человеком, который активно занимался посадками, была Анина бабушка. Не смотря на то, что она любовно окучивала каждый кустик, нам не запрещалось трогать ни краснобокие сладкие помидоры, ни хрустящие огурцы, ни кусты с разнообразными ягодами. А какая там росла клубника, м-м-м... Единственным растением, которое обходили практически все, была кинза. Ее росло совсем немного – пара пучков.

– Зачем вы сажаете эту гадость? – недоумевала Скрипачева.

– Бабушка любит, – вздыхала Аня. – А я даже запаха не переношу.

– А мне тоже нравится, – с удовольствием жевала вонючие листочки Дудкина. – Можно я домой себе нарву немножко?

Последние пару лет я умело избегаю этих встреч – похвастаться мне нечем. А слушать о том, кто куда в очередной раз съездил отдохнуть, и какую по счету машину купил – обидно. Но Скрипачева не зря была старостой – она добыла мой номер, и отвертеться уже не получится.

– Ты в прошлый раз не ездила, в позапрошлый раз не ездила, в поза-поза...

– Я поняла тебя, – перебила я Дарью. – Просто у меня много работы...

– Слышала я твою работу, – заржала одноклассница. – «Мастер-ломастер»! Ну, правая рука президента, офигеть – не встать! Заканчивай свои бла-бла, унитазы твои никуда не убегут. А вот Светка Дудкина скоро уедет.

– Она в России? – обрадовалась я.

В свое время мы со Светой были дружны, но потом наши пути разошлись, Света уехала в Таиланд и занялась там недвижимостью.

– Неделю назад приехала, скоро обратно двинет. Ну, так что, ты с нами?

– Разумеется! Только мне надо знать, на какие дни с напарницей подменяться. Я работаю до девяти вечера.

– А сбежать не получится?

Я вздохнула:

– Это вряд ли, начальство бдит!

– Во, слушай анекдот! Как раз про тебя, ты ж у нас блондинка. В одном офисе работали брюнетка, блондинка и рыжая. Их начальница всегда уходила с работы пораньше. А они сидели до конца. Однажды им это надоело, и они решили тоже сбежать. Дождались, пока начальница свалит, и отправились по своим делам. Брюнетка побежала по магазинам, рыжая понеслась на фитнес и только блондинка потопала домой к мужу. Заходит, а там любимый супруг с ее начальницей в кровати зажигают! Она тихонько бочком к двери и – на работу. На следую-

щий день, когда начальница снова ушла пораньше, подруги спрашивают блондинку: «Ну что, валим?». А она им: «Ну уж нет! Меня шефиня вчера чуть не спалила!»

– Ха-ха, – грустно пробурчала я. – Смешно, аж колики! У меня начальник – мужик. И он никогда не уходит раньше, наоборот, как истинный капитан, покидает пост последним.

– Если ты сейчас снова отмажешься и не придешь, то я узнаю, где ты работаешь, и приведу всех к тебе в офис! – пригрозила Дашка.

– Торжественно клянусь, – пообещала я. – Определяй место и время – буду, как штык!

Дверь распахнулась, и на пороге появилась Лерка Козлова – наша офисная палочка-выручалочка. Без кого не может работать ни одна фирма? Без директора, без бухгалтера, без уборщицы? Нет! Без такого человека, как Лерка!

Поистине, без нее работа офиса встанет. Кто притащит бумагу, стикеры, калькулятор? Кто организует замену картриджа? К кому бежать, если сломалась клавиатура? Козлова молнией носится по этажам и проверяет, не нужны ли кому скоросшиватели или салфетки для монитора. Мы скидываем ей заявки в электронном виде, но она предпочитает личное общение. Во многом это от того, что Лерка – идейная сплетница. Она у нас настоящий почтовый голубь – неустанно носит слухи из кабинета в кабинет! К ее чести, она никогда не выдумывает несуществующих подробностей, зато не путается в мелочах и ничего не забывает.

Обычно она очень милая и находится в состоянии радостного возбуждения. Узнав какую-нибудь интересную новость, она от всей души жаждет ею поделиться, лучась при этом счастьем, как диодная лампа. Но сейчас ее щеки полыхали отнюдь не радостным румянцем.

– Так, а где Королёва? – требовательно поинтересовалась Лерка, забыв поздороваться.

Я пожала плечами:

– Моя напарница, очевидно, отдыхает дома в свой законный выходной день. Катюша работала вчера и позавчера, теперь моя очередь, логично?

Она бросила мне на стол бумажки.

– На, полюбуйся!

– Что это?

– Читай! – вместо ответа потребовала Валерия.

– Заявочка на установочку унитаза... Миленко! – я рассмеялась и переспросила. – Что это?

– Заявочка! Катюшечка вчера скинула! На почточку! – съехидничала Козлова. – И что мне с этим делать? Я, вообще-то, унитазики не устанавливаю!

– Блин, Лера, – рассердилась я. – Ну с кем не бывает? Заработалась девочка, вот и отправила не туда! Не надо делать из этого трагедии!

– Хорошо, – легко согласилась Лерка. – Ну, а вот это она скинула именно мне. Читай.

– Скрепочки – две пачечки, файлики – упаковочка, сто штучек, стерженьки для карандашика – одна упаковочка, – я захихикала, но продолжила чтение. – Ручечки гелевые – зелененькая и красненькая, подставочка под визиточки... А наша куда делась?

– На ней волки какать уехали! – ругнулась Лерка. – Ты читай-читай! К концу списка стошнит радугой!

– Пакетики для мусорочка, – я не выдержала и заржала в голос. – Катюха переработала вчера! Целый день с клиентами сюси-пуси, вот к вечеру и не смогла перестроиться!

– Тебе смешно, – обиделась Козлова. – А мне надо заявку закрывать. Если я такой документ принесу в бухгалтерию на согласование, то мне дыроколы по лобик у настучат.

Я вздохнула:

– Давай шедевр, переведу с няшного на человеческий. Я ж, какой-никакой, а переводчик!

– Прямо сейчас переводи, при мне. А я пока кофейку глотну – успокою нервы.

– От кофе ты еще больше задержась. Если хочешь успокоиться, то лучше выпить чаю с мелиссой и ромашкой, понюхать эфирное масло лаванды.

– Ерунда! – отрезала Козлова, насыпая в чашку три ложки гранул. Затем она кинула три кубика сахара и залила смесь кипятком. – М, божественный аромат! А лаванду свою противную сама нюхай.

Я сморщила нос. Кофе – не мой напиток. Честно говоря, я не понимаю массовой истерии вокруг кофеен. Все эти гламурно-ванильные девочки пьют кофе, потому что им действительно нравится его вкус, или это дань моде? На мой взгляд, сладкие пирожные лучше запивать чем-то, не перебивающим вкус десерта, например, зеленым чаем. Кофе, как и какао, слишком самодостаточен, на мой взгляд. Ему не нужны штрудели и кексы!

– Кофе, чтоб ты знала, обладает исключительной пользой для организма, – завела Лерка. Похоже, ее нервы и впрямь требовали ароматного напитка, потому что, глотнув бурды, она перестала сердито сопеть. – Кофейные зерна содержат калий, магний, кальций, витамины. Всего две чашки кофе в день – и никакого рака желудка, поджелудочной железы и кишечника. Кофе настоятельно рекомендован курильщикам. А знаешь, зачем?

– Чтобы побыстрее добить страдальца? – предположила я. – Минздрав уверяет, что курение – это очень медленный способ самоубийства. Вот, пара чашек кофе в день и ускорят этот процесс...

– А вот и нет! – не обиделась Козлова. – Наоборот! Кофе – первейшее средство от рака крови! Курящие – в зоне риска, их организму требуется помощь. А еще, оно предупреждает болезнь Паркинсона. Вот.

– Что – оно?

– Кофе, конечно. Ты чем слушаешь?

– Кофе – он мой.

Лерка поставила кружку на стол и с обидой взглянула на меня.

– Тебе жалко, что ли?

– В смысле? – не поняла я.

– Тебе жалко кружечки кофе?

– Нет, конечно! Пей на здоровье. С чего ты решила?

– Ты только что сказала, что кофе – твое!

Я выдохнула.

– Тьфу ты! Я сказала: «Кофе – он мой»! Мужской род! Не оно, а он – черный кофе, крепкий кофе. Никак не иначе! А так-то пей, тут все общее.

– А, – сообразила Козлова. – Поняла. А какао?

– Какао – оно. Вроде.

– Странно как-то...

Лерка вздохнула, потом подула в чашечку и осторожно отхлебнула.

– Вкуснотища! – она довольно закрыла глаза, демонстрируя свое удовольствие. – Истинное наслаждение для гурманов! Ты, кстати, знаешь, почему в Швеции пьют так много кофе?

Я никогда не задумывалась над тем, много ли кофе пьют в Швеции. Меня, вообще-то, мало интересуют северные страны. Я – поклонник тепла и солнышка. А традиции стран, климат которых мало отличается от нашей, мне не пригодятся – ехать я туда не собираюсь. Поэтому я просто пожала плечами.

– Ну, тогда слушай! – Лерка отхлебнула еще немного обжигающей жидкости и завела рассказ. Похоже, сегодня день нашего директора «сарафанного радио» оказался на редкость пустым – никто не поругался с мужем, не напортачил в работе, не завел собаку. Но если очень хочется поговорить, то выход найдется.

У меня резко зазвонил телефон, и я схватилась за трубку, давая понять, что историю о кофе в Швеции мне слушать пока некогда. Лерка оставила грязную чашку на столике и выскользнула за дверь, одними губами прошептав на прощание: «Потом расскажу!».

Я снова с головой погрузилась в работу. Конечно, было бы здорово приходить на работу только для того, чтобы потрепаться с коллегами о всякой ерунде, но деньги платят не за это. Чтобы сумма на карточке радовала, приходится бороться за каждого клиента.

День прошел в рабочем режиме довольно продуктивно, и вечером я со спокойной душой отправилась домой.

Глава 3

Вечером в пятницу приехала на вокзал и сразу увидела своих.

– Ну, красавцы! Все такие загорелые, – отвесила я групповой комплимент.

Возможно, я вижу девчонок своим внутренним зрением, поэтому они для меня всегда молоды и прекрасны. Но я хочу верить, что мы и правда пока не похожи на старушек.

Лет двадцать назад мне казалось, что после тридцати ты неизбежно проваливаешься в дряхлость. Сейчас я уверена, что вся жизнь еще впереди – она вот-вот начнется, только надо немного подождать. Мои лучшие годы маячат на пороге! Карьерный взлет, насыщенная личная жизнь, счастье полной ложкой – все это обязательно придет, тогда и заживем!

Мы принялись обниматься и лобызаться. Отчего меня не оставляет ощущение, что ребята уже дождались своих лучших годочков, а мои где-то задержались?

– Все в сборе! – проорала Скрипачева. – Электричка через семнадцать минут!

Я оглядела компанию. Помимо меня, бывшей старосты и хозяйки дачи я насчитала семь человек.

Наша неразлучная троица – Вера Петренко, Люба Перфилова и Надя Семенюк. В начальной школе нас всех веселил тот факт, что в одном классе учатся Вера, Надежда и Любовь. Нас тогда вообще очень многое веселило, особенно шутки, повторенные дважды, трижды, миллионжды... Девочки сдружились. Никакие семейные обстоятельства не смогли разрушить почти тридцатилетние отношения. Ничего удивительного, что они и сейчас держатся рядом.

Чуть поодаль Ирка Овсянникова увлеченно строит глазки троим нашим одноклассникам. В школе ее считали странноватой и обидно звали «психичкой». Справедливости ради, надо отметить, что Ируся не всегда адекватно вела себя. Она чересчур эмоционально реагировала на замечания учителей и подколы ребят. Ничего не стоило завести ее – она загоралась, как сухая спичка! И не поверите, кем она стала! Ирина у нас – консультант-психолог. Она занимается семейными проблемами, ведет беременных и помогает деткам с энурезом и прочими проблемами. Насколько я знаю, она действительно неплохой специалист, но мне до сих пор очень сложно воспринимать ее, как душеведа. Я-то помню, как она могла кинуться на обидчика с кулаками и разорвать его учебник.

Впрочем, я к ней всегда относилась тепло. У всех есть недостатки, и это не мешает им быть хорошими людьми.

– Ирочка, а ты у нас сейчас замужем? – ласково поинтересовался Вадим Пучков, маслянисто блестя похотливыми глазенками.

А вот Пучкова я всегда недолюбливала как раз за его «казановость». Он, почему-то, перманентно был уверен в собственной неотразимости и вел себя соответственно. Так же, как и Денис Солодухин, который сейчас тоже пытается распушить остатки хвоста.

Годы не пощадили Дениса – он обзавелся пузом и вторым подбородком, но, похоже, до сих пор считает себя невероятно сексуальным. Иначе как объяснить то, что он попытался игриво ухватить меня за задницу?

Я ловко увернулась и перевела взгляд на третьего одноклассника. Рядом с этими двумя оципантыми петухами он смотрелся настоящим инопланетянином.

Женька Басс носил очки с первого класса, хорошо учился и не бил портфелем девочек. Хилый отличник имел все шансы стать изгоем, но, по какой-то причине, к нему хорошо относились и учителя, и ребята.

Вот и сейчас он не реагирует на пошловатые шутки Ируси, растерянно улыбается и, иногда, поправляет очки.

Мне не слишком понятно, каким ветром его всегда заносило в компанию. Было ли ему интересно? В беседах он не участвовал, алкоголь практически не употреблял, а уж про танцы и прыжки через костер я даже и упоминать не буду.

– Где Дудкина? – требовательно спросила я у Дашки. – Она не придет?

– Лучше бы спросила, где Пономаревы! – укорила меня Скрипачева. – Они же тоже обещали поехать.

– Хорошо, раз ты настаиваешь – где Пономаревы? И Дудкина.

– Мишка с Наташкой с утра уехали в Турцию! Вместе со всеми детьми! – радостно возвестила одноклассница. – По горячей путевке. Прикинь, как повезло – зашли в торговый центр купить мелким шмотья, а купили тур за какие-то смешные деньги.

Овсянникова оставила мужиков в покое и повернулась ко мне:

– Светка приедет с Вованом и Пашкой на машине.

– С каким Вованом? – растерялась я. – С Бойченко, что ли? Я думала, он по контракту служит где-то...

– Его перевели сюда, еще весной, – просветила меня Аня. – Наша электричка!

Несмотря на самое пиковое время – вечер пятницы, в электричке почти не было народу, лишь пара бабулек с ведрами дремали под гулкой стук колес.

Иногда мне хочется купить билет в купе от края до края родины и обратно, чтобы гарантированно выспаться. Не знаю почему, но шум железной дороги действует на меня как самое сильное снотворное, а если забраться на верхнюю полку, то можно не просыпаться совсем.

К сожалению, ехать до дачи всего минут сорок. За это время не получится выспаться – только душу травить. Зато можно поболтать с ребятами и полюбоваться на потрясающий вид из окна. Время пролетело незаметно.

– Привет, любимая дачка! – радостно поприветствовала я место, где прошло немало душевных вечеров. – Сколько лет, сколько зим!

– Два! – уточнила Дашка. – Два года тебя тут не было.

Я решила промолчать. Скрипачева, конечно, права, я действительно избегала встреч, но воспитанный человек не станет постоянно тыкать носом. Тем более, что вопрос был риторическим. И обращалась я не к ней.

– Так, – потер ладошки Солодухин. – Хватит ля-ля, накрывайте поляну! А мы пока мангал растормошим! Он там же, где и всегда?

Аня молча кивнула и вынула из огромного рюкзака клеенчатую скатерть.

Через полчаса все уже было готово. Я взяла свой стакан и пошла осматриваться.

– Какая красота! – не удержалась я, увидев потрясающие розовые кусты. – Давно обзавелись?

– Что ты! – махнула рукой Аня. – Только в этом году позволили себе такую роскошь. Бабушка в полном восторге. До этого сажала только георгины да флоксы. Я давно ей говорила: «Посади розы!», а она все не верила, что они будут цвести. Думала, вымерзнут при пересадке. Сама знаешь, в начале лета погода переменчивая. А они с конца мая цветут не прекращая! Даже снегом их не побилло совсем. Да и сколько его там выпало-то в мае, снега этого? Но не знаю, что с ними будет следующим летом...

– На зиму придется выкопать, – с видом знатока резюмировала Вера. – У меня мама так в прошлом году оставила и все – прощайте, розочки.

– Если укрыть еловыми лапами, то ничего им не будет, – вступила со своим экспертным мнением Надя. – Мои так викторию укрывают.

– Розы – не виктория! – отрезала Петренко.

– Но и не орхидеи! – не осталась в долгу Семенюк.

– Ну-ну, девочки, не ссоримся, – примиряюще обняла их за плечи Люба. – Бабуля не вчера родилась, сама разберется! Интернет ей в помощь!

– Кому первый шашлычок? – выскочил Пучков. – Ирусенька, тебе?

– Хозяйке дачи, конечно, – встряла я. – За гостеприимство и щедрость. Если бы не Анютка, то мы бы вообще не собрались.

– Ну что ты, – засмущалась интеллигентная Еремина. – Если бы не Дашута...

– Конечно! – с готовностью подтвердила Скрипачева. – Кто вас всех собирал? Все на мне, на мне одной! Еремина только место предоставила.

– Я давно Вежина! – возмутилась Аня.

– А я Савченко! – с вызовом перебила скандалистка Скрипачева. – Только кому до этого есть дело? Я тебя десять школьных лет знала как Еремину, этих матрешек – Петренко, Перфилова и Семенюк, Ируся навсегда Освянникова, а Липка – Хрусталева. Хоть по тысяче раз переженитесь, я буду звать вас так, как привыкла!

Одноклассницы загалдели, выясняя отношения. Я отошла в сторону.

– Хрусталева, шашлык будешь? – растерялся Вадим.

Я покачала головой:

– Извини, но я не ем мясо. Ты на него налепи бирку с надписью «Прекраснейшей» и кинь девкам. Хоть шоу посмотрим, пока Дудкина едет.

– Что тут происходит? Опять бабские разборки? – нарисовался Денис и вдруг протяжно завыл. – И да начнутся и-и-игры!

– Ага, – легкомысленно зевнул Пучков. – Одна Липка, как всегда, стоит в стороне. Не пьет, не курит, не поет и не танцует. Еще и мясо не ест!

– И чего ты на шашлыки приперлась? – невежливо тряхнул вторым подбородком Солодухин.

– На тебя, красавца, полюбоваться. Кого ждешь? Мальчика или девочку? – не менее хамски отреагировала я.

Солодухин расхохотался:

– Молодец, Хрусталева! В обиду себя, по-прежнему, не даешь! Оп-па! Пашка едет!

За чередой приятных хлопот и веселыми перебранками мы не заметили, как наступил вечер.

– Девоньки, я с вами посижу? – выпалила, присаживаясь рядом, Аня. – Чего-то умоталась я! Или вы секретничаете?

– Ага, – кивнула я. – Тебе косточки перемываем. Шучу! Садись с нами, отдохни от Дашки. Послушаешь рассказы «руссо туристо» из Таиланда.

– Я уже давно не «туристо», – шутливо надулась Светка Дудкина. – У меня даже глаза чуть-чуть раскосыми стали и загар не смывается. Кстати, а Машка Жукова где?

Аня отвела глаза в сторону:

– У нее дела. Она очень хотела пойти, но в последний момент передумала.

– Блин! – разозлилась Дудкина. – Ну, сколько можно? Я уже тысячу раз извинилась, предложила за мой счет на месяц съездить в Тай! Хоть в отеле, хоть дикарями!

– Какие дикари? – перебила я. – Она же химик! Английского не знает совсем. Школьная программа не в счет! Извините, девочки, но в реальной жизни эту чушь, которой нас учили, никто даже не поймет. Поэтому Машка на конференции только с переводчиком ездит.

Аня улыбнулась:

– Мы в прошлом году ездили на Самуи. Моего английского нам хватило выше крыши.

– Верно, – кивнула Дудкина. – Объясниться сможет, руками помашет – и ладно. Кстати, девочки, надумаете эмигрировать – звоните в колокол. С радостью возьму к себе агентом. Будете русским инвесторам показывать объекты. Квартиры там недорогие, спрос есть всегда.

– Сказочница! – усмехнулась я. – Пойду лучше огурчиков принесу, пока вы тут планы по обогащению разрабатываете.

– И пару помидорок захвати! – крикнула мне вслед Анюта.

Через пятнадцать минут я вернулась, таща с собой тарелку с салатом, пару пачек сухариков и пучок кинзы. Возле столика стояла, чуть покачиваясь, пьяная Скрипачева. Она делала какие-то нелепые движения в такт музыке.

– Вот! – гордо провозгласила я, кладя зелень на стол. – Светик-семицветик, помня о твоей любви к этой вонючей траве, я нарвала тебе листиков и даже их помыла.

Света широко улыбнулась:

– Спасибо за заботу, но я уже не могу смотреть ни на кинзу, ни на имбирь!

– Пропадет добро! Сожру сама, чтоб врагам не досталось, – пробубнила Дашка и запихала пучок целиком себе в рот.

– Ты же не ела ее никогда, – возмутилась я. – Я ее Свете принесла!

– Ты оглохла? – с набитым ртом промывчала Скрипачева. – Она не хочет. А мне уже пофигу! Я бы сейчас и кошачьим кормом закусил!

– Я правда не хочу, – Света успокаивающе положила руку мне на плечо. – В Таиланде все либо острое, либо пряное, либо приторное. Я на родине отрываюсь – ем гречку, оливье, окрошку... там-то даже картошка сладкая!

– Лав ми лайк ю ду, – фальшиво пропела Дашка прямо мне в ухо. – Эх, жаль Жукова не приехала, мы бы с ней спели!

Света всплеснула руками:

– Ну, что мне сделать? В ножки ей поклониться?

– Да забей, – отозвалась я. – Пусть дуется, пока не повзрослеет.

Война Жуковой и Дудкиной длится уже двадцать лет и выглядит довольно странно – Машка старательно воюет со Светой, которая то извиняется, то предлагает помощь, то делает вид, что все и так хорошо.

Началось все на новогодней дискотеке в девятом классе. Жукову тогда угораздило влюбиться в Солодухина, а тот, на удивление, раз за разом приглашал на «медляки» скромную Дудкину. Машка, одетая в супер-мини юбку и блестящий топик, оголяющий внушительную для девятиклассницы грудь, скрипела зубами у стенки, пока Денис старательно обнимал плоскую Свету, которой это внимание было совершенно не нужно.

У нас не было принято разбираться после дискотек, поэтому Света спокойно добралась до дома, не подозревая, что Машка открыла на нее охоту. А после каникул начался форменный кошмар – вылитый на стул клей, выданные страницы в учебнике, залитые компотом в столовой тетради – Жукова не останавливалась ни перед чем. Света предпочитала не связываться и не провоцировать обозленную одноклассницу, но та словно с цепи сорвалась. Похоже, она уже даже забыла, с чего все началось, потому что на Солодухина она больше не смотрела. Целью ее жизни стало доведение Дудкиной до белого каления. Светкиной выдержке и смирению мог бы позавидовать буддийский монах – настолько философски она переносила все происходящее.

Мы пытались образумить Машу, но та злилась еще сильнее, и мы, в конце концов, отстали, решив, что ей просто надо перебеситься.

Наступило лето, и плацдарм опустел. После каникул, как мы и надеялись, все забылось, и Машка перестала гадить Дудкиной и даже стала с ней здороваться. Все, включая учителей, вздохнули с облегчением. А зря. Перемирие продлилось недолго – в ноябре объявили конкурс талантов, где Света, вполне заслуженно, получила второе место, великолепно исполнив что-то очень трогательное на раздолбанном школьном пианино, а Маша не вошла даже в десятку со своей пантомимой.

Почему-то никто уже не удивился, когда Жукова налетела с обвинениями на Дудкину.

– При чем тут Светлана? – изумленно спрашивала наша классуха у Маши, покрасневшей от душившей ее злобы. – У нее был музыкальный номер, а у тебя – театральный. Вы по баллам даже не близко шли! Добро бы, она тебя на один балл в конце конкурса обошла, так ведь ты сразу плелась в хвосте! А Света окончила музыкальную школу с отличием.

Разумные доводы не только не убедили Жукову, но еще сильнее ее разозлили. Пакости начались снова.

Дудкина по-прежнему не реагировала на травлю, чем заслуживала всеобщее уважение и еще больше бесила Машку. Кстати, со всеми остальными Мария была весела и приветлива.

Финал трагикомедии случился летом на вступительных экзаменах. По странному совпадению и Маша, и Света подали документы на журналистику. Вряд ли я кого-то удивлю, сообщив, что поступила только Света. Машка, сильно не дотянув до проходного балла, снова нашла виноватого. Очевидно же, что это снова оказалась Дудкина?

Абсурдность ситуации никого не удивила – все уже привыкли. Правда, никто так и не понял, зачем Жукова, которая не отличала ямба от хорея и ненавидела сочинения, выбрала филологическую специальность.

В итоге, Жукова поступила на химфак. Теперь она высококлассный химик, настоящий профессионал с огромной зарплатой и постоянными заграничными стажировками. В семейной жизни у нее тоже все хорошо – образцово-показательный муж и отличница дочка.

Думаете, Машка успокоилась? Как бы не так! По-моему, она стала ненавидеть Дудкину еще сильнее.

– Знаешь, – вздохнула Светка. – Я думаю, она не пришла, потому что ей передо мной стыдно. Сколько она делала гадостей, сколько распускала сплетен и слухов... Должна же у нее быть совесть, правда?

Я кивнула:

– Непременно. Только мне не очень понятно, почему ты до сих пор перед ней извиняешься и белым флагом машешь, вместо того, чтобы раз и навсегда поставить ее на место.

– И чего я этим добьюсь? Еще большей ненависти? Зачем будить лихо, пока оно тихо?

– Тихо? – возмутилась я. – То есть, компот, вылитый тебе в портфель – это пример того, каким тихим бывает лихо?

– Детская шалость, – неконфликтно улыбнулась Света.

– Ребенку, вообще-то, на тот момент уже пятнадцать стукнуло. В прежние времена, девочек в таком возрасте замуж выдавали!

– А кое-кто до сих пор не замужем, – саркастически встряла в беседу Скрипачева. – Сидят, такие правильные! Одна по заграницам шляется, другая мастером-ломастером работает. А мужикам вы нахрен не нужны!

Из темноты вынырнула Аня:

– Дашута, тебе лучше прилечь! Пойдем, провожу.

– Ага, щаз! – противно захихикала Скрипачева. – Нет уж, посижу в курятнике. Одна живет у моря, потому что на родине ей места нет, другая никогда моря не видела! Что, Хрусталева, завидно?

– Не понимаю тебя, – удивилась я. – Кому и почему я должна завидовать?

Она хитро прищурилась.

– Тоже, небось, хотела бы по заграницам разъезжать? Только не зовут, да? Карьера переводчика полетела коту под хвост! Почему, а? Семьи-то у тебя тоже нет! Что мешает?

– Я просто не хочу работать переводчиком.

– Не смейся! – безапелляционно отрезала Дашка. – Хотела бы – да не возьмут! Ты теперь способна переводить только бабушек через дорогу! Где та умница-отличница, которую ставили в пример всему классу?

Злые слезы навернулись мне на глаза. Так и знала, что идти на встречу одноклассников – дело гиблое. Пьяная Скрипачева хотя бы высказалась в лицо! Представляю, что обо мне говорят за спиной. И ведь не поспоришь – она права. Обычно люди либо меняют карьеру на семью, либо с головой уходят в работу и добиваются успеха. А многие так и вовсе успевают одерживать победы на всех фронтах. Одна я, как всегда, в лузерах!

– Так, дорогая, пойдём-ка приляжем! – настойчиво повторила Еремина.

Она обняла противную скандалистку за плечи и увела. Света засмеялась:

– Некоторые люди никогда не меняются. Как была язвой, так и осталась. Не бери в голову эту ерунду, она не со зла, просто характер дурацкий.

– Да я все понимаю, – я смахнула слезы и улыбнулась. – Она просто перепила. Утром даже не вспомнит, что несла.

– Девки! – появился Денис, тряся пузом. – Долго тут сидеть будете? Танцы-шманцы начались, быстро в хоровод!

Мы с Дудкиной переглянулись и одновременно встали.

– А почему бы и нет? – широко улыбнулась она. – Скинем двадцать лет с плеч!

Глава 4

Я открыла глаза и увидела незнакомую оранжевую люстру и дощатый потолок. Где я? Почему язык не ворочается? Кто играет на барабанах? Минут через десять ко мне стала возвращаться реальность – я на даче у Ани, меня мутит после вчерашних увеселений, а барабаны стучат исключительно в моей похмельной голове.

Я осторожно встала, стараясь не шевелить шеей, и огляделась. На диване мирно сопит троица: Вера, Надежда, Любовь. Рядом, на тахте, устроилась Скрипачева, а я провела ночь между Анькой и Светкой на надувном матрасе.

– Как ты? – донесся до меня шепот с матраса. Аня тоже проснулась и попыталась пригладить пятерней растрепанные волосы.

– Бывало и лучше, – криво усмехнувшись, прошептала я в ответ. – Но жить можно. Пойдем умываться.

Мы выползли на крыльцо, недовольно щурясь от яркого света.

– А парни куда делись? – поинтересовалась я у хозяйки фазенды. Та пожала плечами:

– В бане, наверное. Я им вчера матрасы выдала еще по трезвой памяти. Они дольше сидели, крепьши! Доброе утро, Вадя!

Из машины вылез заспанный полуголый Пучков. Похоже, он не ожидал нас увидеть, потому что молча открыл рот и вытаращил глаза. Следом за ним вылезла замотанная в полотенце Овсянникова. Увидев нас, она ломанулась обратно, но мы успели заметить, что под полотенцем она абсолютно голая.

– Вот так номер, – вздернула я брови. – А ведь почти не пила.

– Пойдем, – потянула меня Еремина. – Это не наше дело.

Пока мы умывались, остальные тоже проснулись и теперь сонно потягивались. После крепкого чая мир вокруг стал обретать цвета.

– Девочки, – умоляюще прошептала нам Ируся. – Только никому, ладно?

Мы пожали плечами. Я цокнула языком:

– Мы ничего не видели. А если и видели, то любые галлюцинации легко списать на последствия приема веселой нефilterованной темной субстанции.

– Да, и вообще, какая вакханалия без оргии? – понимающе покивала Аня, прикрывая длинными ресницами глаза, в которых прыгали черти.

– Я умираю, – трагически возвестила Дашка, спускаясь с крыльца. Выглядела она и впрямь неважно. Лицо опухшее, под глазами черные круги.

– Утро субботы, родная, – простонал Вовка, прикладывая к голове бутылку с холодной минералкой. – Тут все умирают!

– Сердце что-то колотится, – пожаловалась непривычно тихая скандалистка. – И дышать тяжело.

– Ну, а что ты хотела? Ты вчера на спор литр пива за десять секунд выпила! – припомнил Пашка. – А я – только в полминуты уложился.

– И что я выиграла? – нахмурилась Скрипачева.

– Так, это... Еще один литр!

Я пошла в огород. До отъезда еще полно времени, полноценный завтрак я не осилю, а вот пара ягодок мне точно не повредит! Я бессовестно ощидала целый куст позднего крыжовника и, с чувством выполненного долга и довольным блеском в глазах, вернулась к ребятам.

Они уже вытащили матрасы на улицу и теперь, совершенно счастливые, валялись на солнышке. Почему-то Дашки среди них не было.

– Где Скрипачева? – поинтересовалась я у Светки.

– Зубы пошла чистить, – лениво ответила она. – Уже третий раз. Все жалуется, что во рту у нее что-то не то.

– Первый раз утром после вечеринки мается, что ли? У всех во рту что-то не то. Странно, что ее это так удивляет.

– Не, – махнула рукой Дудкина. – У нее язык разъело, кровит. И десны.

– У меня так было, – вспомнила я. – В Китае купила зеленоватый ананас и за вечер весь его слопала. Потом дня три не могла нормально поесть, щипало язык. Губы только и успевала бальзамом мазюкать – аж говорить больно было, так все потрескалось!

В нашу сторону повернулась Люба:

– Вчера не было ананасов. И ничего похожего. Это парадонтоз!

– На языке? – засомневалась Вера. – Просто надо меньше гадостей говорить.

В ограду медленно вошла Дашка.

– Я умираю, – вновь объявила она слабым голосом.

– Ой, хватит приbedняться! – разозлился Солодухин. – Падай на матрас, проспишься – полегчает.

– Сердце что-то, – она прижала руку к груди и стала оседать. – Ой, больно...

Можно сколько угодно охать и притворяться, но вот изобразить посиневшие губы вряд ли кому-то под силу. Дашка выглядела неестественно бледной, ее глаза ввалились, нос заострился, а щеки побледнели. На фоне почти белого лица рот выделялся черным пятном. На лбу Скрипачевой мелким бисером выступили капельки пота, а ее руки затряслись мелкой дрожью.

Я подскочила:

– Аня, аптечку! Срочно! Ей реально плохо.

Скрипачева застонала и навалилась на меня всем весом.

– Паша, Вадя! Кто-нибудь! Да помогите же вы!

Одноклассники вскочили и засуетились. Спустя четверть часа Пашка повез Дарью в сопровождении Ируси в больницу.

– Ты – психолог, значит почти врач, – объяснил Вадим. – Так что тебе будет проще объяснить, что произошло. Ну, и не мне же с ней ехать! И остальные – такие же бестолочи, как я.

Оставаться на даче больше никому не хотелось, настроение было безнадежно испорчено, поэтому мы быстро навели порядок и собрались домой.

– Я завтра работаю, у меня посменный график, а во вторник отдыхаю, – вбивая в телефон Светкин номер, сказала я. – Позвоню тебе в понедельник вечером, договоримся, где и когда пересечемся.

Дома меня, как всегда, встретили привычный покой и уют.

Ни душ, ни чай не помогли мне почувствовать себя человеком прямоходящим, поэтому я решила прикинуться мягкой игрушкой. Я вытянулась на любимом диване и прикрыла глаза. С одной стороны, я ненавижу такие выходные, после которых нужны еще одни выходные. А с другой – мы с друзьями и так редко видимся.

У нас был на удивление дружелюбный класс, где не было ни ярко выраженных лидеров, ни изгоев. Над каждым, конечно, иногда подшучивали, даже надо мной. Но откровенной травли никогда не устраивали. Материальное положение у одноклассников было практически одинаковым, поэтому классовых войн мы не вели.

В институте мне пришлось гораздо хуже. Дело в том, что меня угораздило поступить на один из самых престижных факультетов, где собрались грызть гранит науки исключительно дети богатых родителей. В то время как преподаватели смиренно ездили на автобусах, студенты боролись за места на парковке. Ламборджини и Бентли, разумеется, ни у кого не было, но и без них автопарк поражал разнообразием. Не то, чтобы я была самой бедной... Впрочем, может быть, так оно и было. Я не была единственным пешеходом в группе, но, определенно,

стоимость моих вещей была на порядок ниже, а на выходных я гуляла в парке, а не тусовалась в клубах. И не потому что я такая целомудренная, а банально из-за отсутствия свободных денег.

Стоит ли говорить, что одноклассники со мной практически не общались? При необходимости поговорить они всегда были безукоризненно вежливы, но в глазах многих из них читалось откровенное презрение к нищей студентке. Первое время я сильно переживала и даже плакала. В конце первого курса я даже собиралась подать заявление на отчисление, но родители уберегли от опрометчивого шага свое неразумное дитяtko.

Сейчас я думаю, а, может, зря? Может быть, стоило пойти туда, где я смогла бы стать «своей»? Может быть, именно из-за такого отношения я и сама перестала в себя верить?

Из коридора донеслось приглушенное жужжание. Я поморщилась – стоит оставить телефон на полочке и удобно прилечь, как кому-то срочно требуется со мной побеседовать.

У меня есть примета, которая всегда срабатывает безотказно. Если вы очень ждете какого-то важного звонка, то необходимо оставить телефон на столе, залезть в ванну, как следует намылиться и... звонок раздастся именно в этот момент. Кстати, совершенно бесполезно выбегать, сломя голову. К моменту, когда вы, вытирая слезящиеся от мыла глаза, схватите трубку, звонящий устанет ждать. Перезванивать тоже, чаще всего, бывает бесполезно – на том конце провода уже никто не торопится.

Справедливо рассудив, что в выходной день я могу не отвечать на звонки, я уткнулась носом в подушку и попыталась уснуть. Я представила себя лежащей на берегу моря. Мягкий песочек нежно щекочет мне ноги, умиротворенно шуршат волны, вдали приглушенно кричат чайки. Сон подкрался ко мне и стал тихонько покачивать на волнах. Я стала куда-то уплывать...

– Дррр! Др-др-др! – нагло врезалось в мою негу настойчивое жужжание телефона. Я рассерженно села. Сон слетел с меня, оставив чувство раздражения и неудовлетворенности.

– Ну, что за народ! Раз не отвечаю, значит – не хочу разговаривать, – пробурчала я, вставая.

На дисплее высветилось «Света Дудкина». Очень интересно. Вроде, договаривались созвониться ближе к моему выходному. Я провела пальцем по экрану, принимая вызов:

– Тебе уже сообщили? – с ходу поинтересовалась Светка.

– О чем?

– Скрипачева умерла!

– Что? – не поняла я. – Что?

– Дашка Скрипачева умерла.

– Как? – закричала я. – В смысле – умерла? Почему?

– Инфаркт. Час назад, в больнице...

Мысль о том, что Дашка, еще утром живая, хоть и бледная, и жалующаяся на плохое самочувствие, действительно умерла, никак не могла уместиться в моей голове. Инфаркт? В нашем возрасте?

– Господи, Света, как так-то? В больнице же врачи! Какой инфаркт?

– Ну, пока ставят инфаркт. Еще будет вскрытие...

Меня затошнило.

– Когда похороны?

– Не знаю, когда тело отдадут. Вообще, ничего не знаю. Там муж в ауте, родители в шоке, кошмар, короче. Хочешь, Анютке звякни – она с ними разговаривала. Ой, у меня вторая линия, извини.

Я положила трубку и уставилась невидящим взглядом в зеркало. Потом медленно подняла руку и дотронулась до своего отражения. «Я – живая», – пронеслось в голове. – «А моя одноклассница умерла от инфаркта».

Не так давно на моей работе произошла трагедия – под колесами автомобиля погибла молодая женщина. Но дорожное происшествие или несчастный случай абсолютно не связаны ни с возрастом, ни с состоянием здоровья. А вот когда ровесники начинают умирать от естественных причин, становится по-настоящему страшно.

У меня сильно закружилась голова, и потемнело в глазах, в уши словно напихали ваты. Почти на ощупь я добралась до дивана и отключилась.

Глава 5

Рабочий день совсем не радовал – в голову постоянно лезли назойливые мысли о том, как скоротечна человеческая жизнь и внезапна смерть.

Если вдуматься, мы с Дашкой никогда не были подругами. Активная, шумная и хамоватая Скрипачева не вызвала у меня желания поделиться тайной или доверить сокровенные мысли. Впрочем, делить нам тоже было нечего. Наши отношения можно назвать приятельскими – мы поздравляли друг друга с праздниками и пересекались на встречах одноклассников, но никогда не ходили друг к другу в гости и не секретничали.

Тем не менее, ее смерть вызвала во мне бурю эмоций – и горечь утраты, и печаль, и, что греха таить – страх.

– На тебе лица нет, что случилось? – поинтересовался начальник.

Филипп Олегович Разумовский – мой босс – работает, похоже, без перерывов на собственную жизнь. Официально у него, как и у большинства офисных работников, рабочий день с девяти до шести и законные выходные в субботу и воскресенье, но он частенько задерживается до позднего вечера и приходит, когда все остальные отдыхают.

Он у нас – личность требовательная, суровая и строгая. Ходят легенды о его скверном характере. Говорят, именно поэтому и не женат, что ни одной нормальной женщине не выдержать его придирки и бесчеловечные требования. К тому же, от сотрудников он требует полной отдачи и неукоснительного исполнения своих распоряжений.

Я не вижу в этом ничего особенного. «Строить» подчиненных – его прямая обязанность. В силу природной мягкости и понимания иерархии, я никогда с ним не спорю, поэтому он пока ни разу не повысил на меня голос и не лишил премии. Кстати, какого бы мнения ни были о нем подчиненные, но работают все на совесть.

А почему он до сих пор не женат, для меня – загадка. По возрасту он мой ровесник или чуть старше и выглядит, как будто сбежал из Голливуда. Высокий, почти два метра ростом, широкоплечий, подтянутый брюнет с легкой щетиной. У него приятный голос и отличное чувство стиля. А еще от него всегда потрясающе пахнет, а я в этом, поверьте, разбираюсь.

Наверное, такая красивая оболочка действительно скрывает весьма гадкую конфетку. Впрочем, я о нем почти ничего не знаю и знать не хочу. От него мне нужно только одно – вовремя подписанные ведомости и начисленная по результатам работы премия.

– Извините, – я опустила глаза. – У меня одноклассница умерла. Инфаркт. Предстоящие похороны меня немного пугают.

– Соболезную, – вполне искренне проявил человеческие эмоции Разумовский. – Хочешь уйти пораньше?

Я помотала головой и через силу улыбнулась:

– Ни в коем случае. Одной совсем грустно, а здесь – люди. Спасибо, я в порядке!

– Ну-ну, работай.

Я доработала до конца дня и растерялась – идти домой действительно не хотелось, а задерживаться было ровным счетом незачем. В такой момент очень трудно без лучшего друга – мой приятель Макс уехал на пару недель к родственникам в деревню, в которой нет даже связи.

– Хочу отдохнуть от города, интернета, телефона и прочего, – радостно объявил он перед отъездом. – Не обижайся и не скучай! За пару недель ничего не случится!

Он ошибся – как раз именно сейчас его никто не может заменить.

Я вздохнула и пошла на улицу. Неподалеку от работы расположилось неплохое летнее кафе. Точнее, я не знаю, вкусно ли там кормят и широко ли улыбаются, но музыка оттуда доносится приятная, и выглядит заведение очень мило – деревянная терраса и столики в два ряда.

Вообще-то, я не люблю кофейни, кафешки и закусочные, потому что меня душит жаба платить за один крошечный кусочек десерта сумму, за которую можно купить целый торт. Но сейчас мне нужна компания, хотя бы просто сидящая за соседним столом, поэтому я затоптала жабу в зародыше и потопала через дорогу.

Против ожидания, цены приятно удивили. Я заказала чизкейк и зеленый чай в чайнике. Официантка довольно быстро приволокла поднос и стала выгружать оттуда добротную посуду.

– А это что? – я приподняла тяжелый глиняный горшочек.

– Сахарница, – изумленно ответила девушка.

– Зачем?

– Подсластить чай, – еще больше удивилась она.

– Зеленый чай пьют без сахара, – решила я просветить официантку. – Он заглушает букет...

– Это бесплатно. Не нравится – не ложите, – равнодушно пожала плечами безграмотная девица. Противное «ложите» резануло мне слух, и я уже открыла рот, чтобы поправить ее, но передумала. В конце концов, если она плохо училась в школе и не усвоила простых правил родного языка – это ее личное дело, и меня оно совершенно не касается.

Я положила сумку на свободный стул и принялась за десерт. Нежный крем таял во рту, а кусочки ягод оказались свежими, а не из морозилки. Я расслабилась и позволила себе забыть обо всем.

Проходящий мимо моего столика молодой человек слегка запнулся за ножку моего стула и этим вывел меня из медитативного транса. Я недовольно открыла рот, чтобы едко сказать какую-нибудь гадость, но он неожиданно наклонился в мою сторону, схватил сумку и помчался с террасы.

– Ах ты упырь! – заорала я и вскочила. Расстояние между нами неуклонно росло. Как же мне его догнать?

Мое детство прошло с двумя старшими братьями. И если вы думаете, что они никак не повлияли на мое воспитание, то спешу вас обрадовать – в плане жизненного опыта они дали мне даже больше, чем родители. Нет, они не обижали младшенькую. Наоборот, любили и защищали! Впрочем, меня и так никто не обижал. Было это их заслугой или плодом моего личного обаяния – я не знаю.

Пиком заботы моих братьев были «Липкины дрессировки». Парни вовсю тренировали мою реакцию, меткость и быстроту. И если спортсменки из меня не получилось по причине того, что я ни бегать, ни прыгать так и не научилась, то в остальном они могли бы мной гордиться. Моей реакции позавидует пилот истребителя, а меткости – Робин Гуд. А еще я не теряюсь в экстремальных ситуациях и умею освобождаться от захватов.

Поэтому, вместо того, чтобы голосить и плакать, я хладнокровно решила вернуть имуществу. Я пробежалась взглядом по столу. Сахарница! Я взвесила горшочек в руке – тяжелая. Сойдет.

Все мои действия и размышления заняли не больше секунды. Я отвела руку назад, прицелилась и... Парень рухнул, как подкошенный. Глиняный аксессуар сбил его ударом в затылок! Я чертыхнулась – надеюсь, негодяй жив.

Незадачливый грабитель начал копошиться на земле, пытаясь подняться, но я уже подскочила к нему, уперлась коленом в спину и схватила свою сумку:

– Жив, урод?

– Сссууу...масшедшая, – простонал он. – Ты меня чуть не убила.

– А ты меня чуть не ограбил! – возмутилась я. – Один-один!

Краем глаза я заметила огромную фигуру, быстро приближающуюся к нам. «Подельник!» – испуганно пролетело в голове. Я резко обернулась и с облегчением выдохнула – всего лишь Филипп Олегович.

Ничего удивительного – кафе напротив выхода с работы. Наверное, он как раз покидал здание.

– Я все видел! – проорал он, резко наклонился, схватил воришку за шиворот и развернул к себе. – Ты охренел, что ли, придурок?!

Парень выглядел совсем молодым. Я прикинула – едва ли ему двадцать. Почему-то стало жалко беднягу – тяжелая сахарница даже не разбилась от удара. Видимо, черепушке крепко досталось.

– Надо вызвать полицию, – гневно прорычал Разумовский.

– Не надо, – заныл преступник.

– Не надо, – поддержала я его. – Он не успел ничего сделать!

– Тогда вали отсюда, – Филипп рывком поднял парня, неожиданно размахнулся и припечатал кулаком в глаз. Тот покачнулся, схватился за лицо и шлепнулся на задницу. Я схватила шефа за плечо:

– Не бейте его!

Воришка воспользовался паузой и убежал. Я повернулась к Филиппу:

– Ну, зачем вы так?

– Как? – совершенно искренне удивился он.

– Ударили человека!

– Не человека, а засранца! – отрезал начальник. – Пусть радуется, что я ему руки не сломал! В Китае за воровство их вообще отрубали – ты-то должна это знать!

Я ужаснулась. Вот он, оказывается, какой жестокий! Права народная молва! А я в душе надеялась, что слухи базируются лишь на том, что он – руководитель, а они «все такие». Тем удивительнее сейчас слышать от него подобные заявления.

– А ты, я смотрю, ниндзя! Это же надо, как за сумку распереживалась. Она из кожи питона что ли? Первый раз вижу, чтоб женщина кому-то камнем в голову засандалила!

В его голосе слышалось неподдельное восхищение, и я смутилась.

– Это не камень, – я наклонилась и подняла посудину. – Вот – сахарница. Единственное, что было под рукой.

– Да уж, – Филипп цокнул языком. – Слышал я про то, что женщины любят запускать тарелки в мужиков, но думал что это байки. А мужа ты скалкой, случайно, не гоняешь?

– Нет, – я решила не вдаваться в подробности. – Я вообще очень мирная.

– И сковородкой мужа не lupишь? – продолжал расспрашивать начальник.

– Я принципиально против насилия в семье, – объяснила я свою позицию.

– Значит, твоему мужу не следует тебя опасаться?

Я внимательно посмотрела на Филиппа Олеговича – за последние пару минут он трижды упомянул моего мужа. Если я и дальше буду увиливать и корчить из себя дуру, то буду выглядеть не слишком адекватно. Я вздохнула и улыбнулась:

– У меня пока нет мужа и не предвидится.

– Тогда ты не будешь возражать, если я составлю тебе компанию?

– Присаживайтесь, – я гостеприимно махнула рукой в сторону столика. – Здесь подают неплохой чизкейк.

Мы сели за стол, и начальник устался в меню. В моей голове крутился беспокойный рой мыслей. Что теперь делать? Зачем он решил со мной поужинать? Как вести себя? О чем с ним разговаривать? Его настойчивые вопросы про моего несуществующего мужа меня, мягко говоря, насторожили.

Не то, чтобы Филипп мне противен... При других обстоятельствах, возможно, внимание такого мужчины меня бы даже обрадовало. Но, учитывая то, что мы работаем вместе, а если точнее, он – мой начальник, то перспектива даже простого намека на неуставные отношения меня пугает.

Личного опыта в подобных делах у меня нет, но несколько моих знакомых имели неосторожность понравиться начальству. Еще Александр Сергеевич говорил: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь». Не Пушкин, а Грибоедов, разумеется. Но, думаю, и Пушкин бы согласился с этим утверждением. Итог этой «любви», как правило, печален – увольнение «по собственному желанию». Причем, даже не важно – состоялся «служебный роман» или нет.

В первом случае надоевшая пассия быстро превращается в обузу и изгоняется восвояси, дабы не напоминать о прошлом. Во втором же, строптивница тоже оказывается на бирже труда – а нечего отказывать шефу!

Поэтому, на работе следует прикидываться существом бесполом и асексуальным. При этом важно оставаться элегантной и презентабельной, чтобы не уволили уже по причине жуткого внешнего вида. А уж соблудности баланс между почтительной вежливостью и отстраненностью – высший пилотаж для любой представительницы прекрасного пола, которая работает с молодым и симпатичным боссом.

Я привычно сделала морду «тяпкой» и приготовилась вдохновенно выдумывать историю о внезапно возникших обстоятельствах, которые мешают мне насладиться обществом неожиданно любезного начальства в нерабочее время.

Он поднял на меня глаза и задал неожиданный вопрос:

– Расскажи мне, где ты научилась так швыряться предметами?

– Я росла с двумя старшими братьями...

Мы проболтали почти два часа. Я рассказала ему о своей семье, о детстве, об одноклассниках. Пожаловалась на то, что страшно переживать смерть близких. Филипп оказался внимательным слушателем. Он не перебивал, но вставлял дельные замечания и, кажется, был искренне заинтересован в моем рассказе. Моя настороженность исчезла, я почувствовала себя гораздо лучше.

– Ой, нам же завтра на работу! – спохватилась я.

– Ну вот, – расстроился начальник. – Я тебя совсем заболтал! Теперь из-за меня ты не выступишь и завтра будешь клевать носом. Так. Разрешаю тебе завтра опоздать на целый час. Надеюсь, тебе этого хватит.

– Но...

– А чтобы компенсировать причиненное тебе неудобство, – не дал мне возразить Разумовский. – Я оплачу счет, и не вздумай со мной спорить, а то у тебя на лбу сейчас надпись загорелась: «Не дам за себя платить».

Я машинально потерла лоб и отдернула руку. Он засмеялся:

– Я понимаю, как все это выглядит. Тебе не о чем волноваться, это не свидание, а часть работы. Ты пойми – мне нужна здоровая атмосфера в коллективе. Депрессивный сотрудник способен лишить нас прибыли не только за день своей работы, но и, в перспективе, повлиять на репутацию. К нам не станут обращаться после плохих отзывов! Напрямую задавать вопросы бесполезно, поэтому пришлось разведать обстановку в неформальной беседе. Ты – в порядке, я – спокоен. Извини, что пришлось навязаться, поэтому я и оплачиваю этот скромный банкет.

Я кивнула. В конце концов, он прав – я его не звала. Да и зарплата у него больше моей.

Глава 6

Перед залом прощаний собралась целая толпа народу. Я не могла не сравнить эти похороны с печальным мероприятием, на котором была в прошлый раз. Проводить Дашу пришло больше ста человек – очевидно, Скрипачева была активной не только в школе.

Одноклассники стояли бледные и потерянные. Видимо, их мучили те же мысли, что и меня.

– Ты не должна была умереть! Это – трагическая ошибка! – глупо повторяла возле гроба Машка Жукова.

Я тронула за локоть Аню:

– Жукова вон как переживает. Не думала, что они так близко дружили.

Аня повернулась:

– До сих пор не могу поверить. Как так? Ей бы жить да жить!

– И на сердце она никогда не жаловалась, – подхватила я.

– Ладно, бабушка, – продолжила Еремина. – У нее постоянно то в спину стреляет, то ноги отнимаются! Понятно, почему она в больницу попала!

– Твоя бабушка в больнице? – чуть громче, чем позволяли приличия, удивилась я. – Что случилось?

– Да то же самое, – Аня как-то удивленно развела руками. – Инфаркт. Мы все переживаем, конечно. Но она в стабильном состоянии, врачи говорят, что прогноз благоприятный.

– Твоя бабушка – крепкая старушка, – раздалось за спиной. – Если у нее хватает здоровья в таком возрасте сажать розы, то она еще сто лет проживет!

– Маша! Привет, – я кивнула Жуковой. – Рада тебя видеть, если это уместно говорить на поминках.

– Не слишком, – скривилась она. – А где эта ваша Дудкина?

Я молча пожала плечами и отошла. В конце концов, это – не моя война. Занимать какую-то из сторон – опасно и глупо. Но если она начинает разговор в таком тоне, то мне лучше ретироваться.

Скорбная церемония потекла своим чередом. Стыдно признаться, но уже через пару часов меня одолел зверский голод, и я смогла думать только о том, когда же начнется поминальный обед. Горе горем, но желудок сводило судорогой, о чем он уведомлял неприлично громким урчанием.

В кафе я расположилась в самом углу – скорее всего, надо будет говорить речи, а я совершенно не представляю, что сказать. Возможно, если я буду сидеть подальше, до меня просто не дойдет очередь. Аня присела рядом.

Кто-то взял меня под локоть, я повернулась и встретила взглядом с Дудкиной:

– Не смогла себя заставить поехать на кладбище, – оправдываясь, сказала она без притвствия. – Кажется, если не увижу ее в гробу, то она останется в памяти живой. Страшно мне!

Аня молча обняла ее за плечи.

– Всем страшно. Я все эти дни засыпаю только на таблетках, просыпаюсь, как с похмелья. А без них – еще хуже.

– Ой, – тихо сказала я. К нам быстрым шагом приближалась Жукова.

– Ты! – без предисловий закричала она. – Приперлась! Пожрать на халяву захотела?

– Маша, не начинай, – подняла я руку, пытаюсь прикрыть Светку. – Мы же на поминках.

– Да! Потому что эта сучка, – Жукова пальцем ткнула в Дудкину. – Виновата! Ты довольна? Это все из-за тебя!

– Маша, – устало произнесла Света. – Ну, при чем тут я?

Лицо Жуковой пошло неровными пятнами:

– Это ты должна была сдохнуть, мразь! – почти завизжала она. – Ты, а не она! Твое место в гробу! А ты до сих пор землю топчешь! Почему?

– Машенька, успокойся, – Машкин муж появился очень вовремя и обнял ее за плечи. – Ты расстроена и устала, пойдем, тебе надо покушать...

Машка дернулась, почти ударив супруга:

– Отвали! Не лезь не в свое дело!

– Маша, не время и не место...

Муж очень плотно ухватил ее чуть выше локтя и аккуратно развернулся, спиной закрыв Светку.

– Идем, идем, – он наклонился и что-то еще сказал ей на ухо. Жукова еще раз дернула рукой, пытаясь вырваться, но супруг держал ее крепко, поэтому ей пришлось покорно оставить поле боя.

Света повернулась к нам с Аней:

– Почему я совсем не удивлена, что она обвинила во всем меня?

– Не бери в голову, – махнула рукой Аня. – Ей лечиться надо!

– Незакрытый гештальт, – припечатали рядом. Я повернулась и увидела Овсянникову.

– Какой-то гештальт? – заинтересовалась Света. – Это что-то, связанное с эмблемой рода? С гербами?

– Нет, гербы – это геральдика. Ира говорит про психологию.

Ирина поморщилась и поправила:

– Про гештальт-терапию. Есть психологи, а есть – гештальт-терапевты.

– Таблетками лечат? – решила уточнить я. – Терапевты же.

– Ох и темные вы, – вздохнула Овсянникова. – Я бы просветила, да в двух словах не расскажешь. В общем, Машке надо вот так, а если не так, то никак! Уперлась в свои обиды и нереализованные желания и пестует травму, вместо того, чтобы разобраться и начать получать от жизни кайф.

– Да она, вроде, не жалуется. Муж – красавчик, ребенок подарочный, на работе состоялась. Чего там еще не хватает для полной картины женского счастья? – хмыкнула я. – Вот я – совсем другое дело, каким боком не поверни – со всех сторон неудачница.

– И тебя вылечат, – процитировала Ирка известный фильм. – Всем нужен хороший психолог, с ним жизнь обретает краски. Ну, во всяком случае, помочь человеку проще относиться ко всему происходящему – можно.

– А ты такое умеешь? – широко распахнув глаза, осведомилась Аня. – Ты могла бы помочь Машке?

– Для этого необходимо желание самого человека, – терпеливо разъяснила Овсянникова. – Я не могу заставлять ее лечиться. Во-первых, это не мое дело. Во-вторых, при всем человеколюбию, такая терапия не даст результатов. Она сама должна обратиться, и тогда мы бы с ней пережили все те моменты, где она оказывалась хуже Светки.

– Она не была хуже, – словно извиняясь, пробормотала Дудкина.

– Да ладно! – не поверила Ирка. – А кто поступил на журфак?

– Я не отнимала ее место, – возмутилась Света. – К тому же, она стала первоклассным химиком. А так, была бы посредственным борзописцем.

– Ну, это же гештальт! Ей надо вот так, а не иначе. Надо утереть нос тебе! Ей не нужна журналистика, ей нужна твоя башка на подносе с яблоком в зубах. Ей кажется, что именно этого не хватает для полного счастья. Без этого – остальное не имеет значения! Ни муж, ни ребенок, ни работа не дадут удовлетворения. На самом деле, это, конечно же, полная ерунда. Без Светки ей станет еще хуже – смысл жизни потеряется окончательно.

– То есть, сейчас смысл Машкиной жизни – говорить мне гадости и обвинять в несуществующих грехах?

Овсянникова закатила глаза.

– Нет, это побочный эффект. Смысл – жалеть себя любимую, несправедливо обиженную, и мечтать о возмездии. И постоянно вспоминать, как ты ей насолила.

– Надо же, как глупо, – покачала я головой. – Что за радость – о чем-то постоянно сожалеть?

Овсянникова улыбнулась.

– У меня такое было, не соврать бы – в девяносто втором году. Родители выписывали нам журналы – несколько наименований, что-то про картинки, про природу, про технику. Каждый месяц почтальон приносил бандероль с вожделенной периодикой. Подписка оформлялась на год и оплачивалась сразу – за двенадцать номеров вперед. Это было гарантией того, что получишь все выпуски и не пропустишь ничего интересного, да и по цене выходило дешевле. К тому же, их приносили домой, и не надо было каждый месяц бегать на почту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.